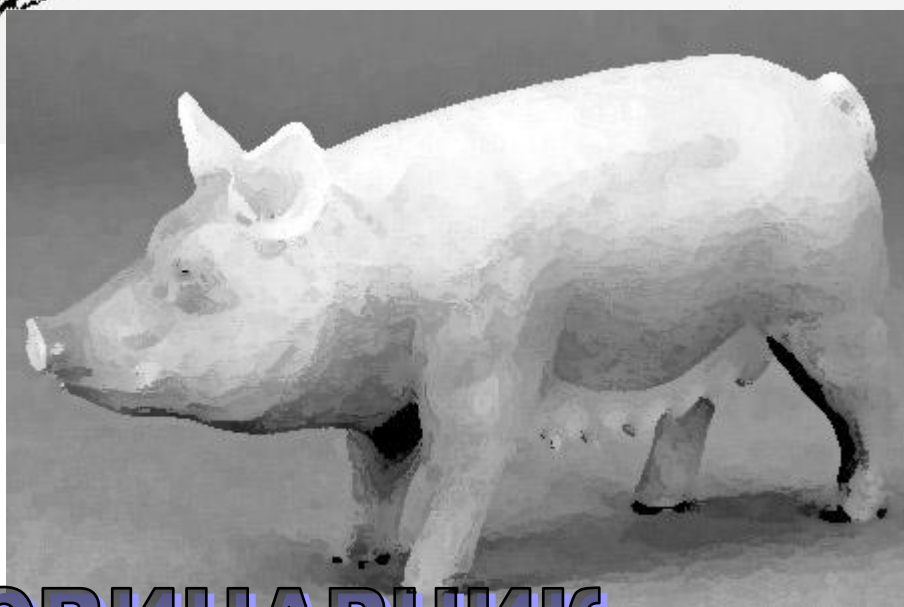

ДМИТРИЙ МАСЛОВ

СВИНАРНИК

ИЛИ

ЗАВОД МЕССЕРШМИТТА

Свинарник

Стеша и Великий появились в первой роте в ничем не примечательный день поздней немецкой осени. Они вошли в коридор казармы в сопровождении полкового овощевода и животновода прапорщика Охрицкого.

-Тихо, тихо – махнул рукой Охрицкий на попытку дневального вызвать дежурного по роте.

- Ротный на месте? – спросил прапорщик и не дожидаясь ответа протолкнул вверенных ему бойцов в канцелярию. Так рядовой Стешенко и рядовой Величко прописались в первой боевой роте на должностях свинарей. Надо сказать, свинари народ особый. Вечно они попадали в истории. То учудят что-нибудь совсем не комсомольское над местным населением, то просто напьются и валяются неделями вместе со своими подопечными свиньями. Конечно, свинарей постоянно воспитывали, ловили с поличным и в итоге меняли на новых. Но все повторялось опять, как по волшебству.

- Место это такое, проклятое - почесав затылок, сболтнул как-то не к месту Андрюха Сергеев.

-Давай, давай, ври больше - воскликнул Ахахлин, бывалый боец, втайне мечтающий о ссылке на свинарник. Так или иначе, Стешу и Великого отправили принимать наряд на свинарник. А принимать то было что. Две-три жирных свиньи, шатающихся по территории и главное – закрома полка – бездонные сырые подвалы со сводчатыми потолками, где хранились полковые овощи, выращенные на своем полковом огороде.

Замполит Семененко звонко стуча набойками по отполированному полу казармы пробежал расстояние от входа в казарму до входа в каптерку наверное за секунду, на ходу улыбнувшись Криванчику на тумбочке вместо уставного приветствия. Сэм был на взводе. Он любил отвлеченные действия и просыпался при малейшей возможности забыть про свои непосредственные обязанности.

- Огурцов - пропел Семененко, влетая в каптерку: «Сейчас, в город пойдем».

- Отлично. Вернее, есть в город, товарищ старший лейтенант! За красками? - оторвался Огурцов от книжки.

- Да какие там краски. Парфюм жене надо купить. У нее завтра день рождения - ответил Сэм, начищая сапоги гуталином. Огурцов по-хозяйски запер каптерку и вышел вслед за замполитом к тумбочке дневального.

-Смотри, Криванчик, не спи - пошутил Огурцов.

- Сам смотри, а то увидишь - попытался сострить в ответ Криванчик. Время было перед ужином. По коридору взад и вперед сновали солдаты, напоминая Огурцову о «броуновском движении», которое он основательно подзабыл за полтора года в армии. Как здорово было отправиться в благоухающий цветами, вечерний город. Да! А не торчать в казарме в ожидании построения на ужин.

-А вот поужинать было бы не плохо - подумал Огурцов и мысленно плюнул: «Хрен с ним, с ужином». В тот момент, когда Огурцов мысленно плевал, а Семененко взялся за ручку входной двери их остановил громкий командный бас Рудакова: «Замполит и комсорг здесь, кстати. Отвести новых свинаярей на свинаярник к месту несения службы. И там, не забудьте про инструктаж, но вы знаете». «Вот тебе и прогулка в город. Не говори гоп, пока не перепрыгнешь» - подумал Огурцов и как-то совсем невзначай взглянул на Криванчика, который всем своим видом издевался на Огурцовым.

- Да пошел ты - сказал вслух Огурцов и поплеялся за Семененко. Они шли как конвоиры в молчании и думках. Огурцов мечтал о городе и живущих в нем девушках. Замполит вспоминал название любимых духов своей любимой жены. А свинаяри шли бодро по брусчатке гарнизона, весело обсуждая свою будущую жизнь на свинаярнике.

-Завтра сходим - сказал громко и уверенно Семененко, обращаясь и к Огурцову и ко всем остальным. Между тем четыре фигуры вышли за территорию гарнизона. Дырка в деревянном заборе и означала выход из гарнизона. Огурцов зацепился голенищем сапога за ржавый гвоздь и ели слышно выругался. Все четверо повинуюсь какому-то далеко запрятанному внутреннему чувству, замерли за границей воинской части. Перед ними расстилалось бескрайнее поле, полное разноцветных трав и дурманящих слегка пожухлых цветов. Солнце еще не садилось, но уже окрасило горизонт ярко оранжевой полосой. Совсем скоро наступят тихие немецкие сумерки.

- Красота-то какая - протянул Сэм. «Да» - согласился Огурцов.

-Ну что, пошли уже? - вернул партийный актив к действительности будущий свинаярь Величко. Они шли по узкой тропинке, убегающей от них в зарослях густой травы. Иногда из канавки, утонувшей в осенних цветках, с шумом вылетал вальдшнеп.

- Эх, ружьишка нет - сожалел Стеша, вздыхая. Как-то совсем незаметно тропинка побежала вдоль кривой и ржавой ограды из

колючей проволоки. А за оградой синели в приближающихся сумерках силуэты РАС.

- Стой говорю, стой кто там идот, смотри стрэляю, слышишь, а. Четверо замерли, прислушиваясь к голосу невидимого караульного. Вдруг из-за кунга показалась маленькая фигура с автоматом наперевес.

- Ну напугал, чтоб тебя. Своих не узнаешь? На свинарник идем - скороговоркой прокричал Сэм.

- Летуны, вы - то ли спросил, то ли воскликнул караульный, подойдя поближе. Парнишка был точно из Средней Азии. Даже в наступающих сумерках ему трудно было скрыть свой природный загар.

- Да, да, летуны, летуны - ответил Огурцов и резво шагнул вперед вдоль «колючки» к свинарнику. Невесть откуда взявшийся холм заставил четверку карабкаться, вверх цепляясь за тонкие стволы кустарников. С холма они увидели свинарник. Чудесное зрелище открылось их неискушенным взорам. Огромные каменные стены, местами серые, местами черные обозначали периметр здания, у которого в буквальном смысле сорвало крышу. Ее нигде не было. Внутри за стенами прятался и стремился через оконные и дверные проемы фруктовый сад, яблони, груши, сливы. А среди этого фруктового великолепия в окружении нескольких заросших сорняком грядок стоял маленький дом-мазанка.

- Вот он – свинарник - сказал Семененко и лихо помчался с холма, рискуя свернуть себе шею. Дверь в домик свинарей оказалась распахнутой настежь. В домике пахло запустением и сырой картошкой.

- Пивом пахнет - уловил неуловимое рядовой Величко, предвкушая будущее.

- Ну, располагайтесь, пожарная безопасность сами знаете. Книжки из ленкомнаты, журналы там, газеты все на месте - обнаружив кучу макулатуры в углу на тумбочке, воскликнул замполит и не думая ни секунды добавил: «Огурцов, завтра боевой листок здесь повесишь».

-Нет завтра мы в городе, а ну после обеда сделаешь - вспомнив о шопинге уточнил Семененко. Огурцов молча, согласился.

- А где свинья, чего-то ее не видать - задал уместный вопрос Стешенко.

-Спит уже - пошутил Семененко и добавил:

-Завтра отыщете. Их тут три должно быть, наверное. Завтра Охрицкий приедет все вам про свиней расскажет и про овощехранилище и про все остальное. Скоро темно будет совсем, пошли в роту Огурцов. Про боевой листок я тебе сказал.

Сэм фамиллярно схватил за рукав комсорга, и они вышли из домика. Обратная дорога была наполнена стрекотом и жужжанием ночных насекомых, урчанием в животе Огурцова о не съеденном ужине и приятными мыслями об утреннем походе в город.

- Я ж забыл совсем, я ж в наряд завтра заступаю - почти закричал Огурцов вслед шагающему впереди Семененко.

- Ну ладно заступишь - равнодушно сказал Сэм.

- А как же боевой листок - всхлипнул Огурцов, подумав об утреннем походе в город.

- А кто расписывал - спросил Семененко.

- Да вы, кажется, и расписывали - с укоризной ответил Огурцов.

- Нельзя сорвать доведение боевого листка до личного состава. Хотя ты до наряда вполне успеешь нарисовать, а отнести вряд ли. Ладно, утром заменю тебя. Кто у нас там свободный, Костин - решил Семененко и проворнее прежнего зашагал к части.

Художник.

У здания казармы комсорг с замполитом разошлись. Каждый пошел своей дорогой. Огурцов вбежал на ступеньки крыльца и скрылся за тяжелой дверью здания. А Семененко продолжил путь в сторону КПП. Огурцов поболтал с дежурным по роте Ваней Левшицем о том, о сем, и спустился в каптерку. Через несколько минут звонкий голос Капустина с тумбочки дневального приказал всем строиться для вечерней прогулки. Рота шумно вышла из казармы. Горизонт уже окрасился красным с оранжевым цветом, а воздух пьянил ароматом отцветающих трав. Настроение у всех приподнятое, совсем скоро отбой. Огурцов только успел разложить кисти и откупорить банки с краской, как в каптерку постучали.

- Димон, пошли погуляем, песни попоем - звал наружу знакомый голос Андрюхи Костина.

- А-а, сейчас иду - протянул в ответ Огурцов и, прикрыв банки с краской, чтоб не засохла, вышел в темный коридор подвала.

- Привет, как жизнь, с утра тебя не видел - спросил Огурцов Костина.

- У особиста торчал, потом к экзаменам готовился

- Когда уезжаешь?

- Недели через две-три, точно не знаю

Рота уже построилась, когда из казармы выскочил взъерошенный Кадаш и скомандовал: «Шагом марш».

Солдаты вышли на плац, по которому уже двигались колонны бойцов из других рот. Затянули песню. Хорошо. «Вот бы увидеть это из космоса» - подумал Огурцов и улыбнулся. Всю ночь Огурцов провел в каптерке, склонившись над столом. Огурцов любил рисовать и частенько проводил ночь за этим занятием. Иногда он поднимался на этаж – помыть кисти или набрать воды для разведения красок. В полку знали его увлечение, и ответственные офицеры не тревожили Огурцова своими проверками.

Каптерщики.

Утро Огурцов встретил в каптерке. Он так и не ложился всю ночь. Уснул лишь под утро, с удовлетворением от выполненной работы, (картина сохла на столе) растянувшись, как мог на кривоногом старом кресле, притащенном с немецкой свалки. Огурцова разбудил не громкий вопль дневального «подъем», а Тарасенко, зашедший взглянуть на шедевр.

- Как это у тебя получается, Димка.

- Не знаю – растирая глаза и потягиваясь, ответил Огурцов

- Мастерство не пропьешь – зачем-то добавил он и стал приводить себя в порядок.

- Слушай, дай я тоже чего-нибудь нарисую

- Давай

- Отлично, когда?

- Да хоть сейчас, вместо зарядки.

Огурцов достал из шкафа чистую картонку и протянул Олегу

- Рисуй.

Тарасенко уселся за стол, положил перед собой картонку, на мгновение задумался, взял из банки кисточку и, обмакнув ее в желтую краску начал творить.

- Надо замок снаружи повесить, а то Жучков все грозитя проверку устроить, как деда вместо зарядки в каптерках отсиживаются.

Димка приоткрыл дверь и позвал:

- Игорь, Ломего.

Напротив, с присвистом отворилась дверь, и в темный коридор подвала выглянул суровый на вид солдат.

- А Димон, чего хотел?

- Игорь, закрой нас снаружи на замок, чтоб старшина не застукал.

Ломего плотно закрыл дверь и навесил замок снаружи.

- Все, теперь не достанет
- Откроешь на завтрак, ладно?
- Ладно, ладно. Сидите тихо – со знанием дела сказал Ломего и скрылся в своей каптерке.

Олег Тарасенко с увлечением водил кистью и радовался каждому мазку краски.

Огурцов дочитывал статью из «МК», присланную отцом. На столе среди банок с красками закипала вода для чая. Нехитрый самодельный кипятильник из нескольких рядов лезвий «НЕВА», нанизанных на огрызок карандаша покрылся белой насыщенной пузырьками пеленой, которая рванула с ревом вверх к горлышку, наполненной до краев литровой банки. Что-то загудело, затрещало, в банке сначала начался водоворот, затем поднялась буря. Вода закипела. Огурцов достал кипятильник и запрятал его куда-то вглубь шкафа. Отодвинув несколько книг на полке, Димка нашел заварку в смятом бумажном кульке и начатую пачку сахара. Сыпанув горсть заварки в банку с кипятком, Огурцов, бросив взгляд на картонку Олега, похвалил:

- Молодец, хорошо получается, это что?
- Это солнце – ответил Тарасенко и ученическим почерком по воображаемой дуге сверху написал «Я завтра приду». Большую часть картонки занимал яркий красно-желтый полукруг, над которым и была надпись.
- А можно, я еще порисую
- Конечно, рисуй, сколько хочешь.

Внезапно раздалась шаги на лестнице, ведущей в подвал. Набойки на сапогах выдали приближение старшины Жучкова. Жучков нарочито громко спускался на ходу, объявляя «старичкам» приговор:

- Попались, всех спалю. Старыми стали. Сейчас я вас.

Огурцов потушил свет.

- Тихо.

Жучков двигался по подвалу медленно, натываясь на всякий хлам и спотыкаясь в темноте.

- Сколько раз можно говорить, чтоб лампочку ввернули.

Огурцов с Тарасенко давились от смеха, рискуя выдать себя.

- Огурцов – дернул за ручку двери старшина.
- Тафай, тафай открывай, я знаю, что ты в каптерке – смешно косил под немца Жучков.
- Там же замок с наружи, как я могу быть здесь. Вот дурень – трясся от смеха Огурцов.

Старшина тряс дверь еще несколько минут не забывая периодически угрожать Огурцову и «кто там с тобой» расправой. Пнув безмолвную дверь каптерки замполита, Жучков переключился на свою каптерку, которая давно была во власти сержанта Ломега.

Постучав в дверь каптерки Ломега, и не найдя сочувствия старшина смутно представляя свой проигрыш не хотел отступать без последнего боя.

- Ну ладно, допрыгаетесь – придумал месть Жучков и застучал набойками к выходу из подвала.

- Все, уходит, пронесло - вздохнул Олег и включил свет.

- Да подожди ты, еще не поднялся.

Жучков поднялся на этаж и нарочито громко закрыл вход на лестницу железной решетчатой дверью. Лязгая ключами, запер решетку на висячий замок. Тут же отворились двери каптерок и в подвал высыпали бойцы, прогуливающие зарядку. Старшего периода были только Огурцов, Тарасенко и Ломега. В каптерке зампотеха, в которую забыл постучаться старшина, отсиживались «фазаны» Лазовский, Горбунов и Круглов.

- Вот попали. Чего делать-то будем, Димка – прошептал Игорь.

Ситуация была идиотская. Старики вместе с «фазанами» заперты старшиной в подвале во время утренней зарядки. Вот-вот придет Рудаков. Огурцов живо представил во всех красках, как Жучков с ехидной ухмылкой докладывает ротному о расслабившихся стариках, доигравшихся до такого позора. Ротный скомандует «выводи». Жучков отворяет дверь, и мы выходим в белых кальсонах под всеобщий хохот казармы. Позорище-то. Под конец службы. Так думал Огурцов и независимо от мрачных мыслей, другой половиной мозга искал выход из сложившейся дурацкой ситуации.

- Есть – осенило Огурцова.

- Чего есть, ни хрена нет – почти заорал Тарасенко.

- Окно есть из подвала, я помню – радовался Огурцов своему открытию.

-Да, окно было – подтвердил Ломега – но в чьей каптерке?

- скорее всего, в каптерке зампотеха, проверим – Огурцов начал действовать, тем более что времени было в обрез. Лазовский открыл каптерку, и все протиснули свои физиономии внутрь. Каптерка напоминала скорее зланный будуар криминальных авторитетов. Пледы и покрывала с кисточками на немецких старых креслах, ряд пустых заграничных бутылок и несколько плакатов совсем не технического содержания. Но главное окна не было, как и в остальных каптерках. Все опустили руки и приготовились к поражению. Но только не Огурцов. Он забежал

по помещению и, приподнимая и заглядывая за каждую полку и каждый плакат, походил на частного детектива. Вдруг Огурцов остановился напротив вмонтированного в стену телевизора.

- Там должна быть еще комната. Коридор длинный, а каптерка короткая.

- Точно – проснулся, молчавший до этого Круглов

- Давай мужики, вынимай ящик – скомандовал Димка и «фазаны» бросились к телевизору. Через секунду телик вытащили, и изумленным бойцам открылся проем в темное заваленное всяким хламом помещение, слабо освещаемое только маленьким окошком почти на уровне земли. Командовать больше не было нужды. Все по очереди полезли сначала через проем в соседнюю комнату, а потом, рискуя порвать кальсоны в узкое окошко из подвала. Последним, как и подобает организатору побега, вылез Огурцов и оказавшись на улице увидел, что рота возвращается с зарядки. Смешавшись с сослуживцами, прогульщики вбежали в казарму и сразу кто, куда. Тарасенко в ленкомнату, Лазовский с другими «фазанами» в кубрик, Ломего пошел ругаться с Жучковым.

- Накой фиг подвал заперли? А мне туда надо – ворчал Ломего. Огурцов прихватил полотенце из кубрика, небрежно набросил его на плечо и направился в умывальную. По пути в коридоре он налетел на изумленного старшину. Жучков не поверил своим глазам.

- Откуда ты взялся Огурцов?

- С зарядки товарищ прапорщик

- А почему рожа не красная

- А холодно сегодня, осень ведь – спокойно ответил Огурцов и продолжил движение к умывальной. Жучков провожал его взглядом и выглядел совершенно глупо в фуре, съехавшей на затылок.

- Ну че, мне в каптерку надо, подвал откройте – привел Жучкова в чувства Ломего.

Жучкову ничего не оставалось, как признать поражение и открыть подвал. Лязгая ключами, он бормотал себе в усы: «они точно там были, я точно знаю, что были».

Потом пришел Рудаков и другие офицеры роты. Потом был завтрак и развод, все как обычно.

Наряд

Придя после развода в каптерку, Огурцов встретил там замполита. Семененко сидел за столом в фуражке и смотрел в книгу нарядов.

- Ну, кем тебя заменять будем, Огурцов
- Не знаю – изобразил равнодушие Огурцов
- Так, Ломего в караул заступает, Малашин на смене, Левшиц
меняется, Рыжков с караула. Остается только Костин, но его
командир приказал не трогать. Он к экзаменам готовится.
- Да уж готовится. По полку шляется от безделья – выдал друга
Огурцов

- Давай, зови Костина – поправив фуражку, приказал
Семененко.

Огурцов выглянул из каптерки и на весь коридор подвала, чтоб
услыхал дневальный, крикнул:

- сержанта Костина к замполиту.

Через несколько минут в каптерке появился Андрюха Костин.

- Сержант Костин по вашему приказанию прибыл

- Ладно, ладно. Ну что, в наряд сегодня заступаешь по роте.
Некого ставить, все или в нарядах или сменились. Один только
ты остался, да Огурцов. Огурцов мне нужен сегодня, поэтому ты
заступишь.

- Меня как бы ротный освободил от нарядов, я ведь готовиться
должен – стал оправдываться Костин

- Ну, раз сходишь в наряд не страшно, у тебя еще будет время
подготовиться. Ситуация такая, сам понимаешь, безвыходная.
Давай, давай, Костин иди, готовься к наряду.

Костин покраснел и стал топтаться на выходе, явно показывая,
что он совершенно не согласен с принятым замполитом
решением.

- Нет, товарищ старший лейтенант, не могу я в наряд, меня же
ротный освободил.

- Да ладно тебе Андрюха. В наряде будешь книжки свои читать.
Ты же дежурным заступаешь – вся ночь твоя, готовься, сколько
хочешь – влез в разговор Огурцов.

- А ты чего лезешь, ты, что ли наряды расписываешь –
огрызнулся Костин и совсем не по-дружески взглянул на
Огурцова.

- Да если бы я расписывал ты бы у меня через сутки ходил – не
удержался Огурцов

- Мы тут все вкалываем, а он ходит, цветочки нюхает – Огурцов
все больше распалялся.

- Все Костин иди, занимайся своими делами – предвидя никому
не нужную ссору, закончил разговор Семененко.

Костин молча вышел из каптерки.

- Ну что идем в город. А вечером на свинарник боевой листок
отнесешь. Заодно проверишь, как они там.

- опять через сутки заступаю, товарищ старший лейтенант – промычал Огурцов и добавил:
- Ну и ладно, скоро рота с учений приедет, тогда и отдохну.

Город.

В городе было пусто. В это время большинство добропорядочных горожан находились на работе. Семененко и Огурцов неторопливо шагали по тихой улице, которая текла почти по прямой от КПП части до городского вокзала Мерзбурга. На площади перед вокзалом было несколько магазинов. В одном из них Семененко и хотел приобрести духи для жены. А Огурцова привлекал другой магазин. Магазин грампластинок. Огурцов готов был, не сменяясь стоять в нарядах ради нескольких минут нахождения в этом магазине. Он мог часами разглядывать пластинки, медленно двигаясь вдоль прилавка. Огурцов любил музыку.

- Не знаю, как можно жить без музыки – часто повторял Огурцов, когда встречал равнодушных к музыке людей.

Семененко отпустил Огурцова разглядывать пластинки, а сам отправился за подарком.

Прошли не более двадцати минут, и замполит пришел в музыкальный магазин за Огурцовым.

- Не знаю, что взять. Голова кругом идет. Пойдем вместе посмотрим – попросил Семененко.

Огурцов согласился, и они уже вдвоем вошли в парфюмерный магазин. Скучающие продавщицы немного оживились, увидев теперь уже двух русских военных.

- Гуттен морген – поприветствовал продавщиц Огурцов, а Семененко виновато улыбнулся и прошептал.

- посмотри, что посоветуешь?

Огурцов окинул свежим взглядом прилавки и, остановив взгляд на островке с яркими коробочками, громко спросил, зная ответ наперед:

- А как жену зовут, товарищ старший лейтенант.

- Как как, Тамарой – подняв брови, ответил замполит.

- Да вот же духи, называются «Тамара», смотрите

Среди небольших коробочек действительно выделялась одна побольше с надписью во всю коробку «TAMARA»

- Точно. Как это я не увидел. Молодец Огурцов. Не зря я тебя с собой взял.

Семененко был доволен. Дело сделано. Огурцов тоже не зря сходил. Он купил на последние деньги пластинку Джо Кокера. Они шли, обсуждая покупки, и незаметно очутились на КПП со стороны понтонеров.

- Ты иди в роту, а меня Шиян попросил в школу зайти насчет мероприятия – важно произнес Семененко и повернул налево к школе. Огурцов приложил ладонь к пилотке и зашагал к роте.

Завод Мессершмитта.

Огурцов решил идти на свинарник перед отбоем. Отдав распоряжения дневальным, Огурцов поправил повязку дежурного по роте:

- Я на свинарник, скоро буду.

По дороге Огурцов вспомнил, как он впервые побывал на свинарнике. Дело было на втором периоде. В полку ожидали проверку из разведуправления армии. Срочно наводили порядок во всех подразделениях. В боксах первой роты скрывались несколько неучтенных «Уралов». Если их обнаружит проверяющий, проблем не оберешься. Ротный зампотех Букин по приказу Рудакова организовал исчезновение лишних автомашин. «Уралы» решили отогнать на свинарник. Машины перевозили на жесткой сцепке, для дополнительного контроля в кабины посадили «слонов». Огурцов, не умеющий водить, был одним из них. Он цепко держался за баранку, представляя что, в самом деле, управляет военным «Уралом».

- Что детство вспомнил? А, Димка – спросил Андрюха Сергеев, сидевший рядом в кабине.

- Точно.

Свернув с пригородного шоссе на узкую грунтовку, «уралы» поползли совсем медленно, подпрыгивая на ухабах. В свете фар Огурцов увидел, что-то нереальное. Настоящие средневековые развалины высились впереди. Над черными кронами деревьев возвышались стены, остроконечные фронтоны, казалось готического храма, и темное сине-фиолетовое небо смотрелось сквозь глазницы огромных оконных проемов.

Когда машины разместили среди каменных стен, Рудаков закулив сигарету, заметил:

- А вы знаете, что здесь когда-то был завод Мессершмитта? Самолеты вылетали прямо из подземных цехов

- А потом, что? – спросил кто-то из ребят.

- Когда потом?

- Ну после войны?

- Немцы, когда отступали, взорвали, что успели. Вон стены остались, а крышу снесло.

А еще затопили подземные цеха. Наши пытались воду откачать. Бесплезно. Откуда вода берется, так и не поняли.

Огурцов часто возвращался в мыслях к этому рассказу ротного. Уж очень, это все романтично. Война, Мессершмитт, подземные цеха. Вот бы полазить там с фонариком. Да там же вода. А вдруг есть еще не затопленные коридоры?

- Конечно, есть – подтвердил однажды догадку Огурцова повар литовец Гинтарас.

- У нас там хранилище. Картошка там, морковка. Сам увидишь – добавил повар.

После того первого визита на свинарник, Огурцов бывал там часто. Вместе с другими бойцами укладывал морковку в пирамиду, пересыпая песком, чтоб дольше хранилась. Засыпал картошку в глубокие деревянные бункеры. Подметал каменный пол подземелья. Заглядывал в плавно уходящий вглубь коридор. Доходил до воды и поворачивал назад к свету.

Боевой листок.

Незаметно Огурцов добрался до свинарника. Вокруг было тихо. Стрекот насекомых и легкий ветерок вот единственные нарушители спокойствия. Огурцов перепрыгивая через, нарытые свиньями канавки с дождевой водой добрался до мазанки свинарей. Дверь была приоткрыта, и изнутри пробивался яркий свет и шум голосов. Открыв дверь, Огурцов поморщился от ударившего в нос перегара и сигаретного дыма. За столом в единственной комнате сидели упомянутые ранее свинари и еще двое незнакомых солдат. Судя по их расхлябанному виду это были или понтонеры или ракетчики. Все четверо были настолько заняты карточной игрой, что не обратили внимание на появившегося в дверях Огурцова. На столе стояли несколько пустых бутылок пилснера и почти полная бутылка шнапса. В пустой жестяной банке тлели окурки. Огурцов поправил pilotку и постучал по деревянному косяку двери.

- А Дим Димыч пришел – протянул Стеша – Садись, пивка, картишки.

Чужие бойцы заметно насторожились, увидев подтянутого сержанта со штык ножом на ремне и повязкой дежурного по роте.

- Ребят, давайте по домам – желая мирно решить проблему, сказал Огурцов.

- Я с проверкой пришел, Вы же не хотите, чтоб я о вас в рапорте написал – слукавил он и добавил для верности: Величко, Стешенко навести порядок. Ночью ответственный вполне может нагрязнеть.

- Ау видерзейн, мужики. Мы пошли – сказал самый трезвый из чужих и они скрылись за дверью.

- Че, Дим правда что ли ответственный сюда припрется – спросил Толик Величко, перемешивая за чем то карты.

- А кто его знает. Может и припрется – ответил строго Огурцов.

- Вы тут вообще уже. Первый день и карты, водка. Охренели что ли.

- Да ладно, чего завелся. Это Стешин зема с другом зашли. Так, провели время. Свины вон накормлены спят. Хошь свиней посмотреть, а?

Стеша, охмелев совсем, спал в одежде на койке. Великий налил Огурцову густой чай в эмалированную кружку и сел за стол рядом.

- Ты чего вообще пришел то? – спросил Толик.

- Да проверяю вас. Как вы тут. Первый день все-таки. Чай вкусный, спасибо. Хорошо у вас тут. Не то что в казарме – сказал Огурцов.

Отхлебывая горячий чай, Димка вдруг ощутил всю нереальность происходящего. Он русский солдат сидит с кружкой чая в мазанке в центре полуразрушенного завода Месершмитта в немецкой Саксонии, какого хрена?

- Ну, я пошел – прервал ход своих размышлений Огурцов – давайте, чтоб порядок был, ладно?

- Ага

Огурцов уже вышел и резко развернулся перед дверью.

- Забыл. Я же вам боевой листок принес. Повесьте на стенку – вспомнил Димка и достал из-за голенища сапога сложенную вдоль бумагу.

- Все пошел.

Райский сад

Огурцов быстро добрался до роты. Бойцы готовились ко сну. Молодые сидели в кубрике и подшивались. Старики

качались в закутке в конце коридора. Кто-то кого-то стриг в бытовке. Обычная суэта перед отбоем. Огурцов спустился в подвал и заперся в каптерке.

За несколько минут перед отбоем Огурцов поднялся на этаж.

- Я не слышал, ответственный пришел? – спросил он дневального.

- Да. Романча в канцелярии.

- Давай отбой, Круглов.

- Первая рота отбой – заорал что есть силы Круглов.

Пятая рота отбой. Вторая рота отбой – эхом прокатилось по этажам казармы. Резко стало тихо. Бойцы лежали под синими тонкими одеялами и неслышно переговаривались. Только второй дневальник силился уснуть, зная, что под утро его разбудит Круглов, не дав ни выспаться, ни досмотреть сон. Лейтенант Романча, худой и маленький пробежал по кубрикам пересчитал бойцов, расписался в книге и скомандовал Огурцову: гаси свет дежурный.

- Если что, я в канцелярии – зевнув, махнул рукой Романча и скрылся в коридоре. Огурцов погасил свет, в который раз про себя заметил, какая все-таки вонь в кубриках из-за портянок и спустился опять в каптерку. Скоро пришла смена с боевого дежурства. Огурцов выслушал доклад старшего смены, принял оружие и опять спустился в каптерку. Он читал Хемингуэя «Райский сад». Сидя в сырой каптерке на старом немецком кресле, притащенном когда-то со свалки, Огурцов читал одно из самых романтических и красивых произведений старика Хэма. Ласковое и теплое море. Шум прибоя и запах водорослей выброшенных на песок пляжа. Утренний кофе и круасаны. Рыбаки вытаскивают из лодки мокрые и соленые сети. Макрель. Мартини. Загорелые и сводящие с ума женские ноги. Любовь. Любовь всю ночь. А утром завтрак в постель. Мужская рубашка на голом теле женщины. Солнце. Выцветшие на солнце волосы. «Что это?» - думал Огурцов. «Где это?» и «Будет ли это со мной?». Огурцов мечтал о свободе, о творчестве, о любви, о жарких объятиях и страстных поцелуях. Чтение доставляло ему огромное удовольствие. Он настолько зачитался, что не слышал команды «дежурный по роте на выход». Огурцов оторвался от книги только, когда открылась дверь каптерки. На пороге стоял ответственный по части майор Леонтьев.

- Доброй ночи – сказал Леонтьев совсем не по уставу – что читаем?

- «Райский сад» Хемингуэй – не ответив на приветствие, промямлил Огурцов

- Я войду? – спросил майор и шагнул внутрь.

- Да, да, конечно. Дежурный по роте сержант Огурцов – спохватился Огурцов и вскочил с кресла, отдавая честь.

- Ничего, ничего – мягко остановил дежурного Леонтьев и уселся на табурет у входа в каптерку.

- Я тоже люблю книги. Что тут у тебя еще есть? Покажи.

Огурцов, изумленный самой возможностью такого общения с заместителем командира полка, полез в стоящий вдоль длинной стенки каптерки шкаф. Из шкафа Огурцов извлек двухтомник Марины Цветаевой.

- Ух, ты. Хорошее издание. Поздравляю – воскликнул майор и бережно взял книги.

- Я купил их в городе. Удивительно, но в немецком книжном магазине полно дефицитных книжек на русском. А дома их днем с огнем не сыщешь.

- Да. Именно так – согласился Леонтьев.

Они проговорили минут тридцать. Наконец Леонтьев поднялся, пожал Огурцову руку и сказал, прощаясь: Не ожидал встретить в подвале первой роты такого интересного сержанта. Хотя нет, все-таки ожидал. Есть у нас в полку хорошие бойцы. Молодец. Так держать. А ты ведь еще и комсорг роты, кажется.

-Да

- Ну, Тебе и флаг в руки. До свидания, сержант.

- До свидания, товарищ майор.

Леонтьев ушел, а Огурцов еще долго приходил в себя от этой встречи.

- Я и не знал, что Леонтьев нормальный – подумал Огурцов и закрыл книгу. Читать он уже не мог. Слишком много событий в один день. Дима поднялся к тумбочке. Круглов дремал усевшись верхом на перила и прислонившись спиной к стене.

- Круглов. Подъем – прокричал дежурный и когда дневальный будто подстреленный воробей соскочил с периллы, добавил:

- Ты че расслабился-то.

- Да я просто. Никого же нет – оправдывался Круглов

- Никого нет. Сейчас нет, а минуту назад ответственный по полку заходил. Ты что на вторые сутки захотел – урезонил дневального Огурцов и про себя подумал: Неужели Леонтьев его застукал спящего, да и меня в каптерке. А мне про книги втирал. Вот лис.

- Видел я Леонтьева. Я ж вас вызывал один раз. Леонтьев сказал одного раза достаточно. Я потом уснул, когда он ушел уже из казармы – продолжал оправдываться Круглов.

- Ладно. Смотри сейчас не спи – строго сказал Димка.

Икра на закуску

- Огурец, Огурец - С третьего этажа в проем лестничной клетки на Огурцова смотрел дневальный из второй роты Черненко.

- Чего тебе? – без энтузиазма спросил Димка. Он страшно не любил это глупое прозвище «Огурец».

- У нас мужики с наряда пришли. Картофан принесли. Поднимайся к нам, похаваем.

- Ага. Иду

- Я наверх. Смотри не спи, Круглов

Димка взбежал по лестнице и пошел за Черненком в бытовку второй роты.

- А чего на тумбочке никого нет?

- А ваши на что.

- Понял.

В бытовке Огурцов встретил знакомую компанию из второй роты. Там были Чеботок, Тюрин, Илюха Молдавский и уже упомянутый Черненко. Посреди пола стоял термос с жареным картофаном. Жуткий запах слегка подпаленного кулинарного жира сбивал с ног.

- Налетай, подшевели – раздавая тарелки, сказал Серега Тюрин. Илюха протянул Огурцову белую эмалированную кружку с чаем.

- Давай Димка. Лехаим

- Ага – не понял Огурцов и взял кружку.

Ребята, молча, уплетали картофан, запивая его чаем. Иногда кто-то шутил и тогда все робко смеялись. Попастся за едой в казарме никто не хотел. Поэтому старались не шуметь.

- Я вот тут под чаек случай вспомнил. Помнишь Серега, как мы с икрой погорели, а? – доедая картошку, спросил Молдавский.

- Это, когда нас Бочко застукал?

- Точно, только не Бочко, а Перепилица – поправил Илья и, положив руку на плечо Огурцова, продолжил – А ты, Димка, тогда с лопатой где-то бегал.

- Ага – опять не понял Огурцов.

- Лех, тебе добрые люди передали бутылку водки. Удивительно, как ты ее на ПЦ пронес? Так или иначе водка была. А у меня случайно оказалась банка черной икры. Уж и не помню, кто из наших был в отпуске и мама с ним передала для меня икру. Видимо она посчитала, что баночка черной икры гораздо важнее теплых носок или портянок.

- Я помню, как ты банку икры в под сумке таскал, и мы ее потом уговорили на смене – воскликнул Серега Тюрин.
- Мы тогда на чердак забрались к радиомастерам. Решили, что там безопаснее всего будет – вступил в разговор молчавший до этого Чеботок.
- Короче, распили мы водку и закусили черной икрой. А кто пил то? Нас вроде трое было.
- Леха, Ты, да я. Я первый спускался. Пошли по одному, чтоб не заподозрили, помнишь? – вспомнил Тюрин.
- Да, конечно. Тебя на втором этаже Перепелица и встретил.
- Он мне говорит: «дыхни». Я и дыхнул – рассмеялся Тюрин, вспомнив этот момент.
- Нет стоп. Первым я пошел – остановил Тюрина Молдавский.
- Да какая разница. Что дальше то – замахал руками Черненко.
- Я первым шел и к Перепелице первым угодил. Вот я ему и дыхнул – Илюха сложил губы уточкой, и смешно приподняв их к носу выдохнул. Все засмеялись. А Огурцов поперхнулся чаем и, смахивая чайники с хэбэшки, продолжал смеяться.
- Тихо вы, ночь же – Черненко постучал пальцем по часам на руке – дежурный по части лазает.
- А Перепелица говорит: что за херь. Икрой пахнет – продолжал Молдавский под общим хохот.
- А тут. А потом. Ххха, ха, ха. Я пошел, точно – Серега пытался что-то сказать, но не смог.
- Ты тоже икрой дышал.
- Так это на смене было – очнулся Огурцов, соображая, почему он в этом не участвовал.
- А я и говорю, ты где-то с лопатой ходил.
- с какой лопатой? Куда ходил? – обиделся Огурцов.
- Ладно, ребят заканчивай. Скоро подъем уже – сказал Чеботок, заступивший вчера дежурным по роте.
- Подожди, самое интересное впереди. Перепелица нас повел к Бочко. А тот мудрый гад говорит: пусть посидят минут пятнадцать, там посмотрим. Ну, через пятнадцать минут мы конечно уже не икрой пахли. Что тогда началось. Нас конечно покончали, как водится, и отправили туалет на ПЦ чистить.
- И главное – продолжал Молдавский – Леха, как-то ты наказания избежал, правда ведь, Серега – обняв Тюрина за плечо вздохнул Илья.
- Точно так – сурово произнес Тюрин.
- Мы на тебя тогда здорово обиделись. – протянул Молдавский. Все притихли. Видно было, что Чеботку эта тема не нравилась и он пользуясь правами дежурного по роте резко нарушил тишину:

- Давайте, мужики, по ротам.

Казематы.

Первая рота подъем. Вторая рота подъем. Пятая рота подъем. Загудела казарма как улей. Сонные бойцы хлопая шлепанцами по натертому полу коридоров спешили в умывальную и обратно. Уже через несколько минут на этажах выстраивались шеренги солдат для утреннего осмотра. Сержанты прохаживались вдоль строя и делали резкие замечания. День начинался.

Огурцов любил утреннюю суету и движение. Любил между выдачей оружия и приходом в казарму ротного забежать заварить чаек в каптерке. В этом чувствовалась некая свобода и Огурцов ею жадно пользовался.

Спустившись в подвал, Димка ощутил резкий запах особого казематного воздуха, наполненного сыростью. Нашупав в темноте висячий замок на двери каптерки, Огурцов вставил ключ и услышал еле различимый шепот. Там в глубине коридора. Огурцов повернул голову по направлению шепота и застыл с наполовину повернутым ключом в руке. Мурашки побежали по спине комсорга. В глубине, казалось, было еще темнее и вдруг стало совершенно тихо.

- Эй, Игорь, Ты? – позвал громко Огурцов.

Никто не отозвался. А через секунду Огурцов услышал топот набоек Игоря Ломега по полу первого этажа.

- Так, это не Игорь. Показалось - прошептал Огурцов и отпер, наконец, дверь. Димка уселся в кресло и, взяв обеими руками кружку, отхлебывал горячий чай. Расслабиться и забыть о шепоте не удавалось. Огурцов вспомнил, то, что рассказывали о подвалах под казармами. Были разные слухи. Точно известно было, что подвалы под казармами были связаны между собой и подземные казематы имели выход где-то за территорией части. Среди бойцов ходила легенда о немецком солдате, который испугавшись прихода русской армии в 1945 году, скрылся в подвалах и до сих пор, где то там бродит, живет и наводит жуткий страх на новых хозяев казарм.

Димка допил чай, вытянул ноги и закрыл глаза. Через несколько минут он уже спал. Во сне Огурцов увидел себя в парадке и с маленьким чемоданом в руке. Он стоял на железнодорожном перроне и ждал поезда домой. Во сне пришел поезд. Вагоновожатый открыл дверь в вагон и ласково улыбаясь

пригласил Огурцова внутрь вагона. Димка прошел в вагон, бросил чемодан на полку в купе и вышел к окну коридора, посмотреть в последний раз на немецкий вокзал за окном. От радости скорого свидания с домом и от грусти неизбежного расставания с друзьями у Огурцова и во сне и наяву потекли слезы. Вдруг вагон наполнился гулкими возгласами – Огуцов, Димка, Огурцов, Димон.

Огурцов закрутил головой во все стороны, пытаясь разглядеть, кто его звал. Вагон начал раскачиваться. Что-то затрещало, и поезд пошел. Вдруг опять со всех сторон в унисон со стуком колес: Огурцов, Димка, Огурцов, Димка.

-А как же развод - вспомнил во сне Огурцов и, забыв чемодан на полке, на всем ходу выпрыгнул из вагона. Димка несколько раз перевернулся, упав на склон пути, и резко проснулся. От внезапного пробуждения Огурцов чуть не свалился с кресла. В дверь громко стучали и несколько голосов хором вопили: Огурцов, Ты чего там, умер что ли?

Димка вытер ладонью слезы с заспанных глаз и открыл дверь, отбросив крючок.

В каптерку ввалились Ломего, Леха Гастев и взъерошенный Капустин.

- Тебя ротный ищет. На развод пора. Пошли уже – сказал Капустин.

Димка запер дверь и все четверо поспешили в строй.

Свинари

В единственное окно мазанки свинарей хлестал дождь. Толик Величко загнав свиней в бункер, грел руки у печки. На пороге появился нетрезвый Стеша.

- Ну че, пошли. «Симсоны» ждут.

- Пошли.

На дворе стояла ночь – теплая и дождливая.

- Дождь, зараза – сплюнул Стешенко.

Остатки заводских построек Мессершмитта казались в тусклом свете прожектора останками огромного кита, выброшенного на берег гигантской волной. Свинари прошли по тропинке через грядки огорода и исчезли в темноте за заводскими стенами.

Дождь утих и теперь только моросил. В пригороде было тихо, лишь у гаштета немцы курили и громко переговаривались. Стеша и Великий притаились за телефонной будкой. Наконец немцы шумной гурьбой скрылись в гаштете, оставив вдоль стены три мопеда. «Симсоны» стояли рядом, и что-то в них

побулькивало и потрескивало, делая их похожими на загнанных жеребцов.

- Еще теплые – как заправский конокрад, прошептал Стеша
- Мой красный – сказал Толик и осторожно снял мопед с подножки.

Через минуту ребята гнали по мокрому асфальту шоссе в ДОСы. Город спал и лишь в окнах домов офицерского состава горел свет. Офицеры и их семьи жили своей, не подвластной гражданскому распорядку, жизнью. Кто-то уходил среди ночи по вызову. Кто-то прибегал «на чаек» с дежурства. Свинару, буксуя на газонной траве остановились у крайнего к забору части дома.

- Галя! Галя! – закричал во все горло Стеша

Тут же отворилось окно и Галя, голосом понтонерской чапошницы зашипела:

- Вы что черти, с ума сошли. Муж дома.

- Облом, твою мать – выругался Стешенко.

- Дина-мо – протянул Величко.

- Погнали в город. Пива возьмем – воскликнул Стеша.

Свинари катались по центру Мерзебурга минут двадцать в поисках открытого магазина или гаштета. Вдруг они заметили за собой «хвост». Мерзебургская полиция на автомобиле с включенной мигалкой была уже совсем рядом, как Великий закричал:

- Партизаны не сдаются - и что есть мочи крутанул ручку газа.

- Партизаны не сдаются – повторил Стеша и поспешил за другом.

Когда Косолапову доложили о ночной погоне за его полковыми свинарями, о том, что два русских бойца убегали на мопедах по ночным улицам и переулкам от образцовой немецкой полиции до тех пор, пока не разбили «Симсоны» «в хлам», а во время задержания устроили активное сопротивление и даже набили полицейским по мордам, он испытывал странное чувство гордости за подчиненных. Криминальная составляющая события как-то тускнела.

- Если у русских такие свинари, то какова подготовка солдат из боевых подразделений, а? - вопрошали в мыслях немецкие товарищи.

- Вы еще моих поваров не видели – отвечал им мысленно, конечно, Косолапов.

Подведение итогов.

Прошло уже более часа, а полк все стоял на плацу. Весь полк, в полном составе. Огурцов переминался с ноги на ногу. Ноги затекли, а тяжелая сырая шинель давила к низу как морской якорь. Страдальческое выражение лица и пот, струящийся по лбу, выдавали его состояние. Огурцов очень хотел в туалет. Причем он хотел уже как минимум минут сорок. А смотр все продолжался и продолжался.

-Когда же скомандуют «к торжественному маршу». Скорее бы. Еще немного и я схожу прямо здесь – героически решил Огурцов и сжался так, что дубовый ремень с подсумком чуть не свалился на плац.

-Что они там стоят – думал Огурцов, глядя на сутулые спины командиров подразделений шеренгой закрывающие невысокую коренастую фигуру Папы. Из-за шеренги командиров периодически раздавались – У-уу. У-уу. У-уу. Как будто там пытались изловить какого-то лесного зверя. Наконец, к радости Огурцова, командиры вскинули ладони к фуражкам и словно заводные солдатики точно и резко развернулись через левое плечо, по уставу. Немного пошатнувшись в конце разворота, командиры поспешили бодрым строевым шагом к своим ротам. Командир первой роты Андрей Иванович Рудаков, оказавшись перед строем, окинул отеческим взглядом ребят и, увидев лицо Огурцова, спросил, не без волнения за солдата:

– Ты че Огурцов? А?

Огурцов открыл рот для ответа. В этот момент грянул оркестр. Трубы затрубили так, что можно было оглохнуть. Загрохотал барабан, и зазвенели тарелки. Полк, как огромный медведь зашевелился, покачался из стороны в сторону и зашагал. По ротному. В клуб. На подведение итогов. Каждый шаг давался Огурцову так тяжело, что сама мысль о следующем шаге приводила его в ужас. Если бы дело было на войне, и Огурцов шагал бы на войне так же, то враги разбежались бы в страхе от его ужасных гримас. Тем временем рота вышла с плаца и в общей полковой колонне устремилась в распахнутые двери клуба.

- Или сейчас или поздно будет – пробормотал Огурцов и решительно вылетел из строя прямо к ротному.

- Андрей Иванович, сил нет терпеть, разрешите в учебку в туалет.

- Беги, только быстро - сжалился Рудаков. Огурцов влетел в туалет учебки, которая срослась с клубом справа, а слева в клуб вжился ПЦ. Свалив на пол туалета автомат и ремень с подсумком, Огурцов, приподняв полы шинели уселся на очко. Вот оно, оказывается, что есть счастье. Какое же блаженство, освобождение и, надо честно признаться, кайф снизошел на Огурцова в туалете учебной роты. Успев прочитав несколько предложений из «Красной звезды», брошенной на полу туалета, Огурцов с наслаждением помял газетный лист и довершил процесс. Свежий и бодрый, готовый к любым неожиданностям и трудностям суровых армейских будней, Огурцов вошел в клуб. Протиснулся к своим, доложил движением бровей ротному о благополучном прибытии и уселся в жесткое, обитое дерматином кресло. Вообще говоря, Огурцов был сержантом и на хорошем счету у начальства. Он был не слишком тщеславен, но когда о нем говорили – смотри, смотри, вон он Огурцов начальник штаба первой роты – ему было приятно.

- Держи колбаску – пнул Огурцова локтем Любимов: – тетка из Ростова прислала, с чесночком.

- Чего сейчас покажут? – ехидно спросил сзади Капустин.

- Судилище – протянул Рыжков и зевнул так, что и Огурцов не удержался.

- Хорош болтать первая рота – рявкнул ротный и солдаты поежившись в креслах, примолкли и приготовились к борьбе со сном. Беззаботный галдеж офицеров КП еще продолжался, когда на трибуну стали подниматься члены президиума. Когда в проходе между рядами появился Косолапов, наступила гробовая тишина. Папа шел по проходу, и его квадратная фигура в тугой портупее переваливалась с боку на бок, так словно он ступал по палубе древней галеры. Казалось еще немного и Командир раскачает лодку, и все мы потонем вместе с галерой и веслами. Огурцов ткнул Любу в бок: – ведут.

Да, действительно, курсанты-автоматчики провели через дверь у сцены двух голых до пояса солдат и остановились с ними прямо перед столом президиума, возвышающегося на сцене. Это были Стеша и Великий, наши свинари, из первой роты. Они стояли, как будто в ожидании казни, жалкие и почему-то грязные, с ссадинами и синяками. Повисла тяжелая пауза. Потом Папа много орал, топал ногами и обещал всех кончить. Затем Папа опять много орал, топал ногами и обещал всех кончить. Между его двумя выступлениями оправдывался ротный, недоумевал начальник санчасти, тихо сидел, закрыв глаза особист, сопел потупив взор, замполит роты и ждал своей очереди Огурцов – комсорг первой роты. Очередь в этот раз до

него не дошла или Огурцов до нее в этот раз не дошел. Какая разница – главное, что гнев командира прошел стороной.

Дембеля и папа Голов.

Огурцов так привык к казмерной жизни, что известие о переводе в спортзал, которое означало совсем скорый дембель, застало его врасплох. Из дембелей сформировали роту под командованием старшего прапорщика Голова. Папа Голов, сверкая красной рожей, пытался построить несколько десятков расслабленных дембелей на плацу перед спортзалом.

- А где этот рыжий черт, как его там, Любимов мать твою так? – орал Голов и тряс головой, как индюк.

В каптерку влетел Леха Гастев и срывающимся голосом закричал:

- Вы чего тут расселись. Там Голов дембелей строит.

- Да хрен с ним. Все равно дома скоро будем – спокойно отреагировал Тарасенко.

- Хрен то хрен, но он грозитя отправку задержать – уговаривал Гастев.

- Охота здесь еще месяц дороги строить – добавил Леха и скрылся за дверью.

- Ладно, пойдём, чего будить бешенную собаку – деловито произнес Огурцов. Через минуту Тарасенко и Огурцов появились на крыльце. Увидев сержантов, папа Голов будто с цепи сорвался.

- Опаздывать в строй! Разболтались! Вы еще в армии уроды и я буду решать, как долго вам еще здесь оставаться. Быстро в строй.

- А ну, стой – спохватился Голов и брызнул слюной в сторону испуганного Огурцова

- Ты, рыжая сволочь. Ты у меня напляшешься с машкой, урод! Огурцов впервые в конце службы слышал такие слова в свой адрес и несколько опешил. От волнения он начал заикаться: «Я, я, я. Что я, я, я сделал товарищ старший прапорщик».

- Молчать урод! Я с тобой позже разбираться буду – не унимался Голов.

Огурцов стоял слева от Голова и боялся пошевелиться. Строй замер в ожидании продолжения спектакля. Какая-то странная, нереальная тишина опустилась на плац, и лишь ветерок нежно трепал начинающие отрастать чубы дембелей. Вдруг справа от Голова послышались шаги и покашливание, приближающегося со стороны казармы третьей роты Любимова.

- Разрешите – начал было Люба – встать в строй, товарищ
- А, ты. Урод, рыжая скотина, я узнал Тебя! – зарычал Голов.
- А ты давай в строй, я тебя перепутал – спокойным голосом
обращаясь к Димке, сказал Голов.

Рота покатила со смеху и строй развалился.

- Молчать, смирно! Разболтались. Уроды.

Огурцов встал в начале строя и спросил давящегося от смеха Рыжкова: «Чего он сорвался то? Чего Люба ему сделал-то?»

- Да Люба ему честь в штабе не отдал. Прошел мимо Голова. Голов ему стой стрелять буду. А Люба в ответ: «Здрассе, товарищ прапорщик, а чой то вы такой красный?». Да это было уже давно, а Голов запомнил.

- Ты морда. Долго ржать будешь – подскочил Голов к Рыжкову и, резко повернув голову на красной шее, проорал: в колонну по четыре, становись.

Шеренги закачались, задвигались, и рота превратилась в толстую гусеницу.

- В столовую ша-гом ма-рш. Песню за – пе- вай.

Папа Голов.

На большие праздники в клубе устраивали концерт. Музыканты из полкового оркестра Ерохин, Долгалев и другие выходили на сцену в парадной форме и начинали «лабать» знакомые всем песни из репертуара звезд советской эстрады. Обычно клуб был местом проведения итоговых собраний полка и субботнего просмотра фильма. Если на подведении итогов личный состав полка боролся со сном и дремал с широко открытыми глазами, то на киносеансе все откровенно спали. Концерт полкового ансамбля совсем другое дело. Одной из любимейших песен была: « Я долго буду гнать велосипед....» Барыкина. А песня «Папа ты сам был таким» из репертуара Преснякова просто вызывала восторг и исполнялась несколько раз на бис. В один из припевов ребята вставляли – «Папа Голов ты сам был таким». И полк взрывался аплодисментами и свистом. Кирпичные стены клуба реально содрогались от рева и топота сапог, одуревших от эмоций солдат.

Папа Голов фигура заметная. Он наводил ужас своим криком и красным лицом не только на своих подопечных солдат четвертой роты, но и на весь полк. Его побаивались даже некоторые офицеры. Голов был жертвой Хрущевского сокращения офицерского состава в Советской Армии. Окончив

военное учебное заведение Голов, попав под сокращение, вынужден был выбирать или уходить на гражданку или до конца дней служить прапорщиком. Влюбленный в Армию молодой Голов выбрал службу. Наконец через много лет он достиг своего потолка и получил единственно возможное повышение – звание старшего прапорщика. А ведь, как он сам часто повторял, мог бы полком командовать. Вот такая несправедливость. И все это Хрущев. Проходя мимо Голова, Огурцов испытывал чувство жалости и страха. Эти смешанные чувства заставляли Димку нервничать и вести себя неестественно. Огурцов начинал подыгрывать старшему прапорщику и отдавал ему почести, предназначенные, как минимум, для командира полка. Но при этом, поднося руку к обреза пилотки и вытягиваясь в струну, Огурцов не мог скрыть жалостливую улыбку в уголках губ. Голов замечал это и свирепел еще больше.

Однажды Огурцов стоя в наряде дежурным по роте, всю ночь рисовал в пустом классе для лингафонных занятий. В открытые окна класса врывался легкий весенний ветерок. Теплая ночь манила. Огурцов закончив картину, подошел к окну и сел на подоконник.

- Как хорошо – сказал вслух Огурцов и зевнул.

Закрыв глаза, он жадно вдыхал теплый весенний воздух и мечтал о будущем, о доме, о свободе, о счастье.

Ногинск, 2010 год

